

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

И. М. ЭРЛИХСОН, С. А. ВАСИЛЬЕВА

«МЕЛЬНИЦА ДЛЯ ПЕРЕМАЛЫВАНИЯ НЕГОДЯЕВ...»¹ (раскаяние как ключевая категория трансформации английского уголовного правосудия в XVIII столетии)

Авторы исследуют интеллектуальные истоки английских пенитенциарных реформ посредством анализа английской общественной мысли XVIII в. с учетом социально-культурного контекста. Прогрессирующий рост преступности, с которым столкнулось английское общество в XVIII в., стал популярной темой общественного дискурса, что выразилось в появлении целого пласта произведений светского и религиозного характера с предложениями путей решения проблемы, причем прожектеры апеллировали преимущественно к христианской риторике. Именно постановка вопроса о формах раскаяния у преступников и его исправительного потенциала стала причиной смены старой парадигмы уголовного правосудия, в рамках которой наказание рассматривалось преимущественно с точки зрения его карательной функции. Большинство публицистов XVIII в. придерживались крайне жестких взглядов по вопросу о возможности исправления преступника, подтверждая это конкретными примерами из уголовной практики. Но в результате бурной полемики, растянувшейся практически на столетие, возобладала точка зрения, согласно которой раскаяние не только теоретически возможно, но и практически реализуемо, посредством создания такой системы наказания, главной целью которой станет исправление преступника и возвращение в общество честного гражданина.

Ключевые слова: Великобритания, XVIII век, уголовное правосудие, преступность, религия, раскаяние, пенитенциарные реформы

Тяжесть греха зависит от непознаваемой порчи, затаившейся в сердце. Суть ее не может быть постигнута смертными без Божественного откровения. Но каким тогда образом порча в сердце может служить мерилом при наказании преступлений?

Ч. Беккариа, 1764

Бросив даже поверхностный взгляд на внутреннее устройство монастыря и тюрьмы, невозможно не заметить явного сходства между этими двумя социальными институтами. Кроме подобия внешних деталей (келейно-камерная система, строгий режим изоляции, постоянный труд, ограничения в еде и прочих «плотских» запросах), поражает глубинное подобие основополагающих целей – достичь *покаяния* потенциального преступника/грешника. На это сходство обращали внимание первые исследователи тюремных моделей еще в XIX в.: так в фундаментальном труде М. Фуко «Надзирать и наказывать» упоминается ис-

¹ “A mill for grinding rogues honest” (характеристика, данная И. Бентамом своему проекту идеальной тюрьмы – Паноптикуму).

точник «Размышления о тюрьмах религиозных орденов» 1845 г., в котором автор доказывает, что первые проекты пенитенциарных систем были «совершенно монастырские»². Современные авторы склонны не только разделять эту точку зрения: «...источник всей нашей пенитенциарной системы... надо искать в церкви, в особенности те ее черты, которые касаются тишины, изоляции, душевных и физических испытаний, как верной дороги к спасению»³, но и, в попытках выявить мотивацию первых пенитенциарных реформаторов, высказывать критические суждения. Так Ричард Атертон в монографическом исследовании «Призыв служить: христианское воззвание к тюремному служению» рассуждает: «может быть, одной из самых «случайных» ошибок в истории было решение возвести «институты» монастырского типа, заточить в них десятки тысяч людей, у которых нет ни призвания, ни склонности, ни в большинстве случаев физических или духовных ресурсов, чтобы извлечь какую-либо реальную пользу от монашеского образа жизни?»⁴

В поисках ответа на вопрос, с какой целью пенитенциарные реформаторы второй половины XVIII в. воспользовались готовой моделью монастыря, наделив проектируемую ими тюрьму теми же целями – исправления преступника путем раскаяния, обратимся к этому понятию, так сближающему эти социальные модели. Само название современной тюрьмы – пенитенциарий («Дом покаяния») – производное от христианской риторики. В данной работе предпринята попытка обратиться к феномену раскаяния с учетом социально-культурного контекста и реалий Англии XVIII в. Авторы задаются целью рассмотреть отношение к назначению раскаяния в процессе наказания преступника как в светской публицистике, так и в богословских текстах XVIII в. Это поможет глубже проникнуть в понимание английскими публицистами психологии преступления и наказания, рассмотреть такие источники пенитенциарных реформ как христианское мировоззрение и идеи Просвещения в их диалектической взаимосвязи.

Путешественник и филантроп Джонас Хэнвей в 1776 г. писал: «Какие ледяные души кровь описания ежедневно появляются на страницах газет! Какое впечатление сложится у иностранцев о нашем правительстве? Грабежи, расследования грабежей, опознания преступников, судебные процессы, публичные казни – подобного рода заметки появляются чаще, чем объявления о свадьбах и рождениях!»⁵. Рост преступности в Англии, и особенно в столице в XVIII в. шокировал как правительство, так и общественность. Правительство практически все

² Фуко 1999. С. 177.

³ James 1990.

⁴ Atherton 1988. P. 38.

⁵ Hanway 1776. P. 62.

столетие шло по пути ужесточения действующего законодательства, в результате чего век получил весьма яркое прозвище «Эпоха Кровавых кодексов». Суровое уголовное правосудие Великобритании XVIII в. наследовало юриспруденции Средних веков, в рамках которой наказание рассматривалось преимущественно с точки зрения его карательной функции как симметричный ответ на преступление. Результатом стала резкая эскалация применения высшей меры – смертной казни, как «универсального ответа» на рост преступности. В свою очередь просвещенная общественность с патриотическим пылом ринулась к решению проблемы, что выразилось в потоке трактатов, авторы которых в рамках своего видения проблемы предлагали пути ее решения. Обращаясь к проблеме преступности, они не ограничивались утверждениями об ухудшении криминальной обстановки, критикой жестокости и неэффективности современной им системы уголовных наказаний, но излагали проекты ее реформирования. Дж Тревельян тонко подметил такую двойственность социального контекста как «возрастающая строгость закона в этом постепенно становившемся более гуманным веке»⁶. Подобное противоречие не могло развиваться бесконечно, поэтому его кульминационной точкой стала реформа уголовного правосудия, пришедшая на конец XVIII – начало XIX в., которая и привела к зарождению пенитенциарных учреждений современного типа.

Обратив еще раз внимание читателя на поставленный в начале статьи вопрос о мотивах, подвигнувших пенитенциарных реформаторов обратиться к монастырской модели конструируемых учреждений уголовного наказания, проанализируем трактаты, в которых авторы много и подробно размышляли об антропологической и социальной обусловленности преступления, функциях государства и религии, эффективности уголовного законодательства и его исполнения.

Примечательно, что именно в эпоху Просвещения внимание мыслителей привлекает феномен раскаяния, трактуемого как духовная основа исправления преступника и его потенциального возвращения в общество. В предшествующей парадигме уголовной репрессии раскаянию и исправлению преступника просто не было места. Однако с наступлением эпохи Просвещения внимание мыслителей фокусируется на феномене раскаяния, которое интуитивно воспринимается ими как духовный потенциал исправления преступника. И действительно, если раскаяние в совершенном преступлении возможно, то только оно и создает перспективу возвращения правонарушителя к нормальной жизни, а, следовательно, проецирует наказание не только в карательную, но и в воспитательную плоскость. Именно попытка пробуждения в преступнике раскаяния посредством создания специфических условий тюрем-

⁶ Тревельян 2002. С. 376.

ного содержания с целью его духовного перерождения и исправления лежит в основе и задает вектор прогрессивных проектов тюремных реформ в Старом и Новом свете.

В контексте нашей проблематики логичным будет дать определенное *раскаянию* – центральной категории, которой мы будем оперировать. Удачной видится трактовка, данная в кодексе Маймонида⁷, где выдающийся философ выделил два вида раскаяния: первый, искупающий лишь некий определенный грех; и второй, ведущий к радикальному изменению образа жизни человека, перерождению его личности. Это временной процесс, приводящий к коренному изменению жизни человека и реализующийся последовательным выполнением четырех условий: признание неправильности совершенного поступка (интеллектуальная стадия); прочувствование неправильности поступка (эмоциональная стадия); исправления нанесенного ущерба (сфера действия); отказ от совершения подобного поступка в идентичных условиях (волевой уровень)⁸. Учитывая особенности социокультурного контекста и мощное влияние христианского мировоззрения на мысли и поступки англичан, данная интерпретация сочетает элементы теологического и светского (просвещенческого) понимания раскаяния. Очевидно, что для любого вида раскаяния, а главное, достижения всех перечисленных стадий, необходимо было не только длительное время, но и определенная «среда» – условия возникновения осознания греха / проступка и перехода от знания к волевому отказу от преступного поведения. Обратимся к ряду произведений, в которых авторы XVIII века анализируют современную им процедуру исполнения наказания, подчеркивая неосуществимость раскаяния.

Уникальные свидетельства прогрессирующего роста преступности в Англии XVIII в. представлены знаменитыми изданиями «Ньюгейтские календари»⁹, которые современники именовали не иначе как «Кровавый реестр негодяев». «Календари» изобилуют историями узников знаменитой Лондонской тюрьмы Ньюгейт и «властителей Тайнберна» – так называли висельников, приговоренных к смерти через повешение в местечке публичных казней деревне Тайнберн. Эта своего рода «Библия преступного мира», включающая печально знаменитые и малоизвестные преступные биографии, стала бестселлером, который можно было встретить на книжной полке рядовой английской семьи. Некоторые исследователи предполагают, что «преобладающий морализаторский тон каждого повествования, доскональное знание последних

⁷ Рабби Моше бен Маймон (Маймонид, РаМБам) (1138–1204) – философ и кодификатор законов Торы.

⁸ См. Законы Раскаяния // Мишне Тора. М.: Библиотека библейских текстов, 2010.

⁹ The Newgate Calendar... Vol. 1–5. L. 1824–1825.

слов и поступков осужденных, и особенно выражение покаяния (или его отсутствия)» с высокой долей вероятности указывают на возможную причастность к авторству тюремных священников»¹⁰.

Столетие спустя английские журналы в погоне за читательской аудиторией периодически воспроизводили леденящие душу биографии преступников. Так, в 1834 г. в «Журнале Фрэйзера для города и деревни» появился очерк «По следам “Истории разбойников”»¹¹. Даже в XIX в. вызывало недоумение отношение соотечественников предшествующей эпохи к наказанию путем повешения: «Сэр Томас Смит, философ и юрист, утверждал, что ни в одной стране кроме Англии преступники не отправляются на казнь с такой отчаянной смелостью. Некий знающий и заслуживающий доверия французский автор, к сожалению, мы не помним его имя, уведомяет читателя о том, что наши соотечественники отличаются удивительной страстью к виселице (курсив наш – авт.), объясняя это влиянием невыносимого климата. Мы не можем опровергнуть это утверждение, так как лично не присутствовали на процедуре казни, но в записях прошлого столетия представлены в высшей степени странные сцены, когда приговоренные прибывали в Тайберн в наемном экипаже, облаченные в лучшую одежду, с букетом в петлице, по пути сделав несколько остановок в тавернах, чтобы влить в себя не одну пинту крепкого алкоголя»¹². Подобное описание мы встречаем в трактате социального философа-моралиста Бернарда Мандевилля, современника «Тайбернских шествий»¹³. Автор красочно описывает театрализованное шествие преступника, одурманенного алкоголем, до виселицы. Под воздействием алкогольных паров и плотной пищи, перед лицом заинтересованной аудитории в них просыпается бравада, опьяняющий нигилизм и агрессивный эпатаж, с помощью которых они гонят мысль о близком конце земного существования. Публика восхищается стойким принятием смерти преступником и восклицает «Хорошо умер!», но осыпает оскорблениями тех, кто цепляется за жизнь, приравнивая слезы к малодушию. Вполне естественно, что в вышеописанных условиях смысл наказания как кары за совершенное преступление пропадает, так как виселица превращается в театральные подмости, на которых разыгрывается бенефис главного героя. И задача его – продемонстрировать не раскаяние, которое воспринимается как проявление слабости и малодушия, а отсутствие страха перед смертью.

¹⁰ Rock 1983. P. 191-221.

¹¹ Статья представляла собой критическую рецензию на книгу «Жизнь и деяния знаменитых английских разбойников, пиратов и грабителей» Ч. Уайтхеда (1804–1862).

¹² Hints for a History of Highwaymen... 1834. P. 282.

¹³ Подробнее о трактате «Исследование причин частых казней в Тайберне» см.: Эрлихсон, Васильева 2016(а); 2016(б).

Именно эта буффонада, так любимая лондонцами, вызывает у Мандевиля осуждение на грани отвращения, но и вдохновляет на серьезные размышления. Не будем забывать профессиональную принадлежность автора (Мандевиль был врачом), которая позволяла ему проникать в область человеческой психологии, и понимание психических процессов, на наш взгляд, является одной из сильных сторон трактата, позволившей прийти к оригинальным для своего времени выводам. Мандевиль подчеркивает извращенность отношения толпы к принятию смерти: стоит ли рукоплескать негодяю, который, не раскаявшись, смело погружается в пучину вечных страданий, – задается вопросом автор памфлета, – почему же толпа радуется несокрушимости злодея в его бесчестии? В то же время, недоумевает Мандевиль, публика осмистывает в осуждении проявление скорби и слез узника, которые могут быть признаками раскаяния, но почитаются толпой за малодушие. Между тем, считает автор, страх смерти испытывает и тот, кто принимает смерть с бравадой, но страх быть трусом в глазах толпы заглушает робкие всплески совести и последний шанс подумать о приготовлении души к другой жизни. В этом объяснение жадной тяги преступников к алкоголю по пути в Тайберн – утопить свой страх и мысли о смерти.

Мандевиль посвящает проблеме раскаяния раздел трактата, озаглавленный «О неверных суждениях, проистекающих от предсмертного поведения приговоренного». Он пишет: «Живые существа обладают инстинктом самосохранения, люди, как самые разумные и совершенные, испытывают наибольшее отвращение перед смертью как распадом и более всего ценят жизнь. Нет страха, равного по могуществу страху смерти...». Каждый человек знает, что когда-нибудь умрет, однако в обычной жизни под действием механизма психологической защиты страх перед неизбежностью и неизвестностью отгесняется на периферию сознания, а то и в область бессознательного. Но в ситуации, где человек знает, когда и каким образом прервется его физическое существование, и потому им овладевает экзистенциальный ужас, достойно встретиться с которым могут лишь немногие избранные. Преступники, шествующие к смерти в Тайберне, стараются побороть этот страх не только алкоголем, но и страстями – грехами гнева и гордыни: «Не человек может победить страх смерти, но то, что стоит выше человека. Что же поддерживает его, в чем он черпает силу? Это не осознание невиновности, так как вина доказана, а преступления совершены. Не религиозное рвение, не любовь к родине. Да он не претендует ни на то, ни на другое. Вы скажете, что он не верит ни в Господа, ни в загробную жизнь? Посмотрите на него, и вы поменяете свое мнение. У атеизма другие симптомы. Жалкий мошенник, даже не умеющий читать и не утруждавший свою голову сколь-либо серьезными мыслями, заблудится в лабиринтах философии и метафизики, и едва ли станет убежден-

ным атеистом... Потому и храбрость его фальшива от начала и до конца. Страх смерти терзает его, но страх показаться трусом и стать пошлостью в глазах себе подобных, перевешивает...»¹⁴. Все это заглушает робкие всплески совести и последний шанс подумать о приготовлении души к другой жизни.

Еще один пример эпатажа на «пороге вечности» – история некоего Натаниела Хауи, представленного перед судом в 1721 г. за разбой. Обвиняемый отказался признать свою вину на том основании, что он не желал умирать в потрёпанном сюртуке, который ему выдали вместо его собственной элегантной одежды. К нему применили жестокие пытки, детальное описание которых вызвало бы приступ тошноты у утонченного читателя образца 1834 года, разорвали сухожилия на руках, затем в течение семи минут держали под прессом массой 250 фунтов и вырвали признание. Автор «Журнала Фрэйзера», более всего возмущенный нарушением норм английского права, задается вопросом, что двигало несчастным: «стойкость мученика, отвага героя или тупое упрямство животного?»¹⁵. Между тем узник в предсмертной речи признался, что руководило им не стремление вернуть свое имущество, а желание вызвать одобрительную реакцию публики. «После вынесения приговора он продолжил вести себя в той же дерзкой манере и заявил своим товарищам по несчастью, что они лишены мужества, тогда как он хочет умереть как герой»¹⁶. Очевидно, векторы, задающие направление поведению закоренелых преступников, совершенно отличны от мотивации обывателей. «Их демонстративное пренебрежение “общечеловеческими” нормами поведения позволяет им жить за счет обывателя, ошеломить его, если нужно опередить реакцию толпы и восторжествовать над повседневностью... их поведение... – артистическая форма жестикюляции, рассчитанной на аудиторию... Уголовник знает, что его реальных сил недостаточно, чтобы приспособить к себе весь окружающий мир. Но если его решимость действительно безгранична, а, главное, впечатление, которое он способен произвести на аудиторию, внушает надлежащий трепет, ближайшая к нему часть мира может склониться перед ним, обеспечив ему точечный успех»¹⁷. Прибегая к театральным эффектам, преступник получает поддержку аудитории, следствием чего является последующая героизация его образа.

Против подобной романтизации образа негодяя выступил в свое время Даниэль Дефо в памфлете «Вторичные мысли – самые лучшие, или совершенствование последней схемы по предотвращению уличных

¹⁴ Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn...

¹⁵ Hints for a History of Highwaymen. P. 282.

¹⁶ The Newgate calendar... 1770. P. 325.

¹⁷ Воронель 2013. С. 234-235.

разбоев» вышедшем в 1729 г. под псевдонимом *Эндрю Моретон, эсквайр*¹⁸. В памфлете подверглись острой критике такие литературные шедевры как «Опера нищего» Джона Гэя¹⁹ и написанная ей в подражание «Опера квакеров» Томаса Уолкера²⁰. Оба произведения – злые пародии, сочетавшиеся с социальной и политической сатирой, высмеивающей итальянскую оперу, любимое развлечение аристократии, и политическую коррупцию, процветавшую при правительстве Р. Уолпола. Но Дефо, виртуозно разбиравшийся в общественной психологии, понимал, что среднестатистический лондонский обыватель едва ли будет проводить столь тонкие параллели, а воплощенные талантливыми актерами лихие криминальные персонажи окажут на зрителя не разоблачающий, а очаровывающий эффект. «Воры из «Оперы нищего» представлены в столь благоприятном свете, что настоящие представители этой малопочтенной профессии гордятся ей вместо того, чтобы стыдиться», – негодует Дефо. Еще более резкой критике подвергается творение Т. Уолкера, усугубившее спровоцированный «Оперой нищего» преступный разгул на улицах Лондона. «Джек Шеппард, герой драмы, в сцене триумфального бунта, производит сильное впечатление на посредственные умы; его утонченные манеры, элегантная одежда, карманы, набитые деньгами, убивают стремление зарабатывать на жизнь честным трудом... и вот вам еще один свежееиспеченный негодяй!»²¹.

Что же предлагали публицисты первой половины XVIII в. в качестве средства противодействия растущей преступности и популяризации имиджа лихого негодяя? На фоне усилий правительства противо-

¹⁸ Под псевдонимом Эндрю Моретон эсквайр, Дефо работал в 1725–1729 гг., выпустив серию памфлетов (*Everybody's Business, Is Nobody's Business* (1725), «*The Protestant Monastery*» (1726), «*Parochial Tyranny*» (1727), «*Augusta Triumphans*» (1728), в которых были предложены конкретные меры, направленные, в т.ч. на улучшение качества жизни в современном ему Лондоне. Маска пожилого буржуа, ревнителя и апологета традиционных ценностей среднего класса, приобрела такую популярность у читательской аудитории, что Дефо, разоблаченный своими оппонентами уже в 1725 г., не раз впоследствии прибегал к ней и для того, чтобы повысить продажи. Дефо часто надевал маски, выражая точки зрения представителей различных классов и общественных групп, что позволило назвать его одним «из наиболее хамелеоноподобных английских авторов» (Marshall 2007).

¹⁹ Джон Гей (1685–1732) – английский поэт и драматург. Автор сатирических и пасторальных поэм в стиле просветительского классицизма («Сельские удовольствия»), «Неделя пастуха»; басен и пьес «Как это называется» (1715), «Три часа после свадьбы» (1717), трагической пасторали «Диона» (1720) и др. Создатель нового сценического жанра, т.н. «балладной оперы».

²⁰ Томас Уолкер, мечтающий повторить успех Гэя, взял в качестве основы анонимную пьесу «Разрушитель тюрем» («*Prison-breaker*»), ввел туда легко узнаваемые фигуры Джека Шеппарда и Джонатана Уайлда, но балладная опера с треском провалилась, выдержав лишь несколько постановок.

²¹ Moreton (Defoe). 1729. P. 10.

стоять криминализации страны эскалацией применения смертной казни, предлагать в начале века ее отмену осмеливались только квакеры, но не столько как средство борьбы с преступностью, сколько следуя своей теологии о бесценном «внутреннем свете» внутри каждого, даже закоренелого грешника. Мандевилль предлагал изменить процесс подготовки осужденного к исполнению приговора в виде смертной казни. Он придерживался убеждения: наказание, особенно исполнение высшей меры, непременно должно стать закрытым процессом, так как от его публичности уже нет ожидаемого превентивного или дидактического эффекта, а только опасная экзальтация развращенной толпы. Изоляция, строгая диета (пост), беседы со священником накануне исполнения приговора дадут возможность преступнику пересмотреть свою прошлую жизнь, оценить чудовищность своих поступков хотя бы на пороге смерти, покаяться. В день казни, грешника должно постигнуть раскаяние: от преступников ожидаемо чувство глубокой печали, состояние замкнутого молчания с признаками мук совести или вполне понятное тревожное беспокойство. Уже в предложениях Мандевиля по тюремному содержанию (пусть даже такому краткосрочному как заключение в ожидании смертной казни) заключены черты «монашеского» типа и намечена целевая установка на достижение раскаяния.

Еще один объект острой критики публицистов – практика отмены исполнения приговора, на которую могли смело рассчитывать пятеро из шести преступников²². По подсчетам В. Гэтрелла, в Англии между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35000 чел., но фактически в исполнение была приведена только пятая часть приговоров²³. Чезаре Беккариа, апологет идеи модернизации уголовного правосудия, тонко подметил, что жестокость наказания, при отсутствии стройной системы исполнения такового, сродни *азартной игре*, в которой всегда есть шанс его избежать!²⁴. В трактате «Размышления об уголовном судопроизводстве» священник с юридическим образованием Мартин Мэдан, приводит историю Патрика Маддана, буквально вынуженного из петли сердобольным шерифом под одобрительные крики толпы. Мэдан не жалеет красок, живописуя этапы его преступной биографии. «После освобождения вышеупомянутый Патрик организовал чудовищный по своей жестокости бунт в Мурфилдсе, за что был приговорен к заключению в Ньюгейте, откуда сбежал в 1780 г., после чего промышлял взломами, сколотил банду из юнцов, совершил налет на магазин, был взят с поличным и приговорен к смертной казни, которую заменили на

²² Как отмечал Тревельян, «из шести воров, приведенных в суд, пять могли тем или иным путем спастись, тогда как одного несчастного вешали». Тревельян 2002. С. 376.

²³ Gatrell 1994. P. 9.

²⁴ Maestro 1973. P. 26.

ссылку; откуда он сбежал, проделав отверстие в днище корабля, через некоторое время пойман и оказался на судебном слушании в Олд-Бейли... Выслушав смертный приговор, наш герой мгновенно растерял браваду и, пав на колени, молил о помиловании, которое было ему даровано. Его отправили в Африку, после чего сведения о нем крайне разнятся... Кто-то утверждает, что его вздернули на корабельной рее, другие же не без основания уверяют, что он процветает в Англии»²⁵.

Прежде чем подвергнуть анализу предложения публицистов по искоренению этой порочной практики, обратим внимание на историю уголовного дела некоего Джона Смита, помещенную в «Новом календаре Ньюгейта» ввиду того, что «обстоятельства, сопутствующие приведению в исполнение смертного приговора, удивительны и заслуживают особого внимания»²⁶. Сын фермера, он некоторое время был подмастерьем, служил на флоте, затем завербовался в полк, которым командовал лорд Джон Каттс по прозвищу Саламандра. Демобилизовавшись, Смит свернул на кривую дорожку, примкнув к банде взломщиков. В декабре 1705 г. его судили и приговорили к повешению. Во время суда Смит сохранял удивительное хладнокровие, не изменившее ему в момент исполнения приговора. Он провисел 15 минут под крики толпы, требовавшей помилования, после чего его вынули из петли, сделали кровопускание и предложили поделиться впечатлениями, пережитыми в состоянии клинической смерти. Получив помилование, он остался верен ремеслу взломщика, был повторно судим, оправдан коллегией из двенадцати судей, затем третий раз был привлечен к суду и вновь помилован. Составитель календаря Э. Нэпп, завершая повествование, назидательно замечает: «если разум был единожды осквернен совершением греха, едва ли он поддастся исправлению. Даже физические страдания в момент смерти не удержали этого человека от преступных деяний. Попустительствуя маленьким слабостям, мы открываем дорогу чудовищным преступлениям»²⁷. Оценивая ситуацию с исполнительным судопроизводством в конце XVIII в., Мэдан резюмировал: одновременная казнь пятидесяти человек не устрашит такое число преступников, какое закалят в приверженности к противоправной деятельности приведенные примеры неэффективного правосудия.

Подводя итог критике неэффективности современной им системы уголовных наказаний, публицисты XVIII в. в большинстве своем придерживались крайне жестких взглядов по вопросу о возможности исправления преступника в границах действовавшей карательной парадигмы: «Преступники часто совершают те же чудовищные деяния, за

²⁵ Madan 1784. P. 94-96.

²⁶ The Newgate Calendar... P. 60.

²⁷ Ibid. P. 61-62.

которые на их глазах в мучительной агонии умирают их собратья. Люди, которых их извращенный ум привел к совершению тяжелых преступлений, нечувствительны к страданиям других. Необузданность их порочных желаний перевешивает мысли об опасности, а воображение заманивает либо выгодами от злодеяний, либо иллюзорной надеждой ускользнуть от наказания»²⁸. Смертная казнь к середине XVIII в. окончательно утратила устрашающий и дидактический эффект, а система юридических ухищрений, помогавшая избежать наказания, упрочила иллюзию безнаказанности для азартных игроков преступного мира.

Реформа более чем созрела, причем и власть, и общественность понимали, что необходимо качественное изменение уголовного наказания, чтобы новая система достигала триединой цели: возмездие, восстановление социальной справедливости, общая и специальная превенция. Кроме того, нужно учитывать такие реалии времени, как общественная и парламентская борьба за отмену смертной казни, которая развернулась во второй четверти XVIII в., а также потерю американских колоний, которые использовались как место «экспорта» уголовных элементов Старого света. Итак, реформированная система уголовных наказаний должна была решить проблему преступности, не только максимально сохраняя жизнь преступникам, но и в географических границах британского острова. Таким средством стала обновленная тюрьма, которую, чтобы не путать с карательными тюрьмами – наследием Средневековья, назвали *пениitenciарием* (Дом покаяния) или *реформаторием*. Знаменитый Иеремия Бентам о проекте Паноптикума – тюрьмы-реформатория, отзывался как о «мельнице, перемалывающей негодяев в честных граждан». Казалось, это идеальное решение проблемы с соблюдением всех перечисленных условий с непременным требованием: реформаторий должен был обеспечить «перемалывание» преступника в честного человека. Именно здесь произошло обращение к категории раскаяния или покаяния как качественной концептуальной основе функционирования новой модели пениitenciария. М. Фуко убежден, что схему реформатория задал Дж. Хэнвей: «изоляция вызывает “страшный шок”, который, защищая заключенного от дурных влияний, помогает ему углубиться в себя и вновь услышать в недрах своего сознания голос добра; работа в одиночестве должна быть не только ученичеством, но и обращением; она должна перестраивать не только игру интересов, присущих homo oeconomicus, но и императивы морального субъекта. Одинокая камера, техника христианского монашества, сохранившаяся лишь в католических странах, становится в этом протестантском обществе инструментом, с помощью которого можно перестроить одновременно и homo oeconomicus, и ре-

²⁸ Dagge 1772. Vol 1. P. 172-173.

лигиозное сознание. Тюрьма должна образовывать “пространство между двумя мирами”, между преступлением и возвратом к праву и добродетели; место преобразования индивида, которое вернет государству утраченного гражданина»²⁹. Возможно Хэнвей и задал стройную схему, но идею «перестроить религиозное сознание» преступника путем покаяния выдвигали мыслители на десятилетия раньше Хэнвея. В 1699 г. квакер Джон Беллерс пишет эссе «Некоторые доводы в пользу отмены смертной казни», где клеймит «высшую меру» как «пятно на религии» и сравнивает положение преступника в обществе с положением «блудного сына» в семье. «Как если бы родной человек оступился, впадши в преступление, семья сделала бы все возможное, чтобы сохранить ему жизнь, и направить ее таким образом, чтобы он смог измениться к лучшему, так и тюремное заключение может стать возможностью изменения к лучшему и предупреждения совершения дальнейших преступлений. Любой преступник по отношению к обществу – тот же “блудный сын” для семьи»³⁰. Блудному сыну дали шанс, а его раскаяние обеспечило ему возвращение в семью и общество.

Подобное сравнение преступника с «потерянным» и «обретенным» приводит священник местечка Стоктон-он-Тис Джон Брюстер в издании «Проповеди для заключенных. С включением молитв, рекомендованных для узников одиночного заключения» (1790)³¹. Для Брюстера заключенный – «заблудшая овца», ради которой пастор рискнул оставить все стадо, блудный сын из упомянутой притчи. Как отец в притче резюмировал: «о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся», так общество должно явить готовность простить покаявшегося преступника. Богослов обращается к теме совести, сравнивая ее с бесконечной чередой образов, которые проносятся перед глазами осужденного, и как бы велико ни было желание не видеть их снова, они «выплывают из самых отдаленных уголков мира, из недр земли, как свидетельства нашей вины». На это Брюстер отвечает изречением из Книги пророка Иеремии «Может ли человек скрыться в тайное место, где Я не видел бы его? говорит Господь. Не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь» (Иер 23:24). В обращении к арестантам, Брюстер поднимает тему совести и раскаяния: «Я вижу свою миссию в том, чтобы раскрыть перед вами преимущества, которые открываются от ниспосланной уединенности от мира... Я рекомендую вам пересмотреть моменты прошлой жизни и спутников ваших воцелений. Я бы хотел, чтобы вас постоянно кружило в смятении ума и упреках совести. Я хотел бы попросить

²⁹ Фуко 1999. С. 180.

³⁰ Bernstein 1930. P. 275.

³¹ Brewster 1790.

вас проследить каждый момент вашего пути – с какими усилиями и трудностями сопряжено было обладание награбленным, подозрения и зависть со стороны поделщиков, постоянный трепещущий страх попасть в руки правосудия. Стоило ли приносить в жертву сиюминутному удовольствию греха вашу Свободу? Стоило ли ради этого поступиться Честностью, Истиной, Религией? Ради этого вы отреклись от ощущения внутреннего покоя и домашнего счастья, отреклись от жены, которая могла бы успокоить ваши печали, от детей – утешения в старости, от любви к Богу и других благодатей, похоронив себя в одиночестве тюрьмы?»³² В дискурсе данной работы богослов не рассматривает гражданскую власть как карательный механизм, а наоборот, обращаясь к преступникам, отмечает: «законы нашей страны являются инструментами не отмщения, но коррекции». Он разъясняет своей пастве, что наказание, назначенное магистратом, не следует рассматривать «как обиду», ведь, с одной стороны, его цель – огородить общество от зла, а с другой – «остановить ваши успехи во зле» и предотвратить повторное преступление, дать шанс на «исцеление от греха»³³.

Дж. Брюстер, Дж. Хэнвей, Б. Мандевилль, подавляющее большинство реформаторов-квакеров высказывались в пользу одиночного тюремного заключения как средства отправления правосудия, возвращающего преступника к честной жизни. Пребывание в одиночной камере, должно «рассматриваться как промежуточное пространство между двумя мирами (миром земным и Небесным – *авт.*), рассчитанное на подготовку души к другой жизни», – пишет Хэнвей. Он трактует преступность как болезнь души, тем самым «прописав» больному «лечение» в условиях одиночного пребывания в заключении: «И каким бы тошнотворным оно не казалось, должно восприниматься как лекарство, ведь на самом деле его цель и состоит в том, чтобы сохранить и тело, и душу». В своих предложениях по «исправлению морали» Хэнвей вводит понятие рефлексии (самосозерцания) путем «погружения в себя», тогда заключение «вызовет глубокие перемены в сердце... слезы искреннего покаяния»³⁴. С точки зрения христианства, грех является результатом свободного выбора человека, а свободой выбора обусловлено и искушение греха, внутреннее исправление человека. При раскаянии человек должен испытывать искреннее отвращение к своему проступку и, более того, доказать это отвращение всем своим поведением, и *осознанно* прекратить грешить. «Страдание – истинный друг покая-

³² Brewster 1790. P. 27-28.

³³ Там же. P. 25-26.

³⁴ Hanway 1776. P. 34-35, 44.

ния; одиночество создает страдание, которое проистекает от осознания вины; а без него о каком исправлении может идти речь?»³⁵.

«Прогресс человеческой цивилизации и совершенствования нравов отражается в разнообразии и колебаниях циклов преступности»³⁶, и в этом контексте XVIII столетие в Великобритании, безусловно, представляет любопытный феномен. «Никакой другой век не был так глубоко проникнут и с таким энтузиазмом увлечен идеей духовного прогресса, как век Просвещения»³⁷, между тем, судебно-уголовная практика свидетельствовала о катастрофическом падении морально-этических принципов в национальном масштабе, что ставило перед публицистами и мыслителями вопрос о сущности человеческой природы. Определив, что же она собой представляет – «сокровищницу основных знаний и априорных истин» или «непроницаемую путаницу инстинктов», можно найти было эффективное средство противодействия преступности. Вопросы, поднимавшиеся в английской публицистике XVIII в., лежали в области юридической психологии и касались мотивации преступников в совершении противоправных деяний и последующего раскаяния в нем. Только поняв причинно-следственную связь, можно было установить меру искупления, адекватную ущербу, который был нанесен обществу, и в перспективе наметить магистральное направление преобразования уголовно-исполнительной системы. «Существование нравственности ... возможно только в обществе, в котором есть единая (и, желательно, единственная) сетка нравственных силовых линий, незримых координат, по которым могут ориентироваться все.... Для всех исторических обществ испокон веков единой координатной сеткой была религиозная традиция»³⁸. Закономерно, что взгляды английских публицистов на проблемы, касающиеся психологии преступников, не просто отмечены влиянием религиозного мировоззрения, но именно религия является тем контрапунктом, в котором циркулировали идейные направления реформирования уголовно-исполнительной системы.

Жесткость позиции большинства авторов XVIII в. по отношению к преступникам объяснялась тем, что в рамках религиозного мировоззрения (догматики), они являлись отступниками, посягающими на раз и навсегда установленный социальный порядок и преобразующими реальность методами, недопустимыми с точки зрения божественного законодательства, воплощенного в земном правосудии. Самый показательный пример восстаний против божественного мироустройства, который приводит Библия – падение Сатаны и низвержение его в земной

³⁵ Hanway 1776. P. 42.

³⁶ Hints for a History of Highwaymen... P. 286.

³⁷ Кассиреп 2004. С. 18.

³⁸ Воронель 2013. С. 143-144.

мир, где он начинает борьбу за души людей. Закоренелый преступник, одержимый грехом гордыни, чувствует себя неуязвимым победителем и совершает насилие, убийства и грабежи, бросая тем самым вызов своему Создателю и государству. Поведение преступника регулируется аффектами надежды и страха, а сам он является рабом собственных желаний и страстей, которые овладевают им все сильнее по мере ослабления религиозного чувства. При этом мыслители четко понимали, что опасность преступных элементов возрастает многократно не только из-за привлекательности порока. Здесь вступает в силу то обстоятельство, что при наличии в любом обществе неравного распределения материальных благ, острых социально-классовых конфликтов, в глазах обывателей попытка изменить баланс любыми, пусть даже нелегитимными способами, не просто воспринимается положительно, но оправдывается и даже окружается героическим ореолом. Не случайно Эдмунд Берк назвал XVIII столетие «веком разбойников», о громкой «славе» которого ностальгически вздыхал «прозаический и скучный» XIX век³⁹.

Признавая греховность человеческой природы, не все мыслители были сторонниками применения репрессивных мер в отношении лиц, преступивших закон. В общественном дискурсе появляется и набирает влияние идея о том, что общество по мере своего развития стимулирует в человеке присущие ему априори порочные потребности, создает условия и предоставляет средства для их удовлетворения, а потому несет такую же ответственность за преступление как и лицо, его совершившее. Поэтому логичным и соответствующим духу христианского милосердия будет создание системы наказания, главной целью которой станет исправление преступника и возвращение в общество честного гражданина. Инструментом, посредством которого осуществляется исправление, является религия, как априорный источник духовной жизни человека. Эта точка зрения вполне коррелирует с духом Просвещения, в рамках которого «религия теперь и впредь больше не сводится только к переживаниям и страстям; центр, из которого она должна проистекать и обретать свое сущностное определение и назначение, – это *поступок*. Человек должен быть не только захвачен и подавлен религией как какой-то чуждой силой, но сам, изнутри своей свободы должен выражать и воплощать смысл религии»⁴⁰. Таким *поступком* для преступника должно стать раскаяние, проистекающее из свободы выбора. Следовательно, система наказания должна быть сконструирована таким образом, чтобы раскаяние осуществлялось на всех уровнях: интеллектуальном, эмоциональном, волевом и в сфере действия. Структура личности преступника должна быть радикально преобразована так, чтобы жела-

³⁹ Hints for a History of Highwaymen... P. 279.

⁴⁰ Кассирер 2004. С. 185-186.

ния и наклонности, которые влекли его к греховной жизни, исчезли, равно как вероятность возврата к порочному образу жизни. В таком ключе будут выдержаны преобразования английского правосудия конца XVIII – начала XIX в., задавшие вектор для европейских и американских реформаторов XIX столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кассирер Э. Философия Просвещения. М., РОССПЭН, 2004. 400 с. [Kassirer E. *Filosofiya Prosveshcheniya*. M., ROSSPEN, 2004. 400 s.]
- Воронель А. Нулевая заповедь. Харьков: Права людини, 2013. 412 с. [Voronel' A. *Nuleva ya zapoved'*. Har'kov: Prava lyudini, 2013. 412 s.]
- Тревелъян Дж. М. Социальная история Англии от Чосера до королевы виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с. [Trevel'yan Dzh. M. *Social'naya istoriya Anglii ot Chosera do korolevy viktorii*. Smolensk: Rusich, 2002. 624 s.]
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с. [Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. Rozhdenie tyur'my. M.: Ad Marginem, 1999. 480 s.]
- Эрлихсон И.М., Васильева С.А. К вопросу об отношении общества к преступности (по материалам английской публицистики первой трети XVIII в.) // Вестник Рязанского государственного ун-та. 2016(a). № 3 (52). С. 48-58. [Erlihson I.M., Vasil'eva S.A. K voprosu ob otnoshenii obshchestva k prestupnosti (po materialam anglijskoj publicistikki pervoj tret'i XVIII v.) // *Vestnik Ryzanskogo gosudarstvennogo un-ta*. 2016(a). № 3 (52). S. 48-58]
- Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Б. Мандевилль о реформировании уголовно-исполнительной системы (по материалам трактата «исследование о причинах частых казней в Тайберне», 1725) // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время / Отв. ред. А.Р. Панов. 2016. № 96 Erlihson I.M., Vasil'eva S.A. B. Mandevil' o reformirovanii ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (po materialam traktata «issledovanie o prichinah chastyh kaznej v Tajberne», 1725) // *Politicheskaya zhizn' Zapadnoj Evropy: antichnost', srednie veka, novoe i novejshee vremya* / Отв. ред. А.Р. Панов. 2016(6). S. 91-96]
- Atherton R. *Summons to serve: the Christian call to prison ministry*. L.: G. Chapman, 1988. 150 p.
- Bernstein Ed. *Cromwell and Communism, Socialism and Democracy in the Great English Revolution*. L.: George Allen & Unwin, 1930.
- Brewster J. *Sermons for prisoners. To which are added prayers for the use of prisoners in solitary confinement*. Stockton: R. Christopher, 1790. 212 p.
- Gatrell V.A.C. *The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868*. Oxford. 1994. 634 p.
- Dagge H. *Considerations on criminal law*. L., 1772. Vol. 1. 434 p.
- Hanway J. *Solitude in imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention*. L., 1776. 160 p.
- Hints for a History of Highwaymen*// Fraser's magazine for town and country. Vol. IX: January to June / by James Fraser. L., 1834. Pp. 279-287.
- James J.T.L. *A Living Tradition: Penitentiary Chaplaincy*. Chaplaincy Division Correctional Service of Canada, 1990. 220 p.
- Madan M. *Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits*. L.: Printed for J. Dodsley in Pall-Mall, 1784. 170 p.
- Maestro M. *Cesare Beccaria and the Origins of Penal Reforms*. Philadelphia: Temple University Press, 1973. 191 p.
- Mandeville B. *An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725)* // Free ebooks by Project Gutenberg: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt>
- Marshall A. Daniel Defoe as Satirist. *Huntington Library Quarterly*. 2007. Vol. 70. No. 7. P. 553–576.

Moreton A. (D. Defoe) *Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies.* L., 1729. 20 p.

Rock P. *Law, Order and Power in Late Seventeenth and Early Eighteenth Century England // Social Control and the State: Historical and Comparative Essay / ed. S Cohen, A Scull, L.: Basil Blackwell 1983. Pp. 191-221.*

The Newgate Calendar. *Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / by A. Knapp, W. Baldwin. Vol. 1. L., 1824. 516 p.*

The Newgate calendar: or, Malefactor's bloody register: containing genuine and circumstantial narratives of the lives and transactions, various exploits and dying speeches of the most notorious criminals of both sexes, who suffered death, and other punishments in Great Britain and Ireland from the year 1700, to the present time / by A. Knapp. L., 1770. 422 p.

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; i.erlihson@rsu.edu.ru

Васильева Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии ФСИН России; vasi-svetlana@yandex.ru

«A mill for grinding rogues honest» (repentance as the key notion of English criminal justice transformation in the 18th century)

The authors of the article study the intellectual origins of English penitentiary reforms by means of analyzing eighteenth-century British social thought and considering the social and cultural background of Great Britain of the period. The increasing crime rate, which plagued eighteenth-century England, was often referred to by the country's social thinkers and gave rise to an abundance of secular and religious works whose authors mused on the problem seeking remedial measures. The present article reveals eighteenth-century English political writers' views on criminal offenders' personal characteristics and their impelling motives, as well as on ways and means of imposing penalties. The authors of the article underline that the majority of penitentiary initiatives were instigated by religious considerations and the promoters of penitentiary reforms were often driven by Christian rhetoric. The proposed schemes later served as the basis for the first penitentiaries. The authors maintain that due to eighteenth-century political writers' attention to repentance in criminals and its reformatory potential, the old paradigm of criminal justice, which focused on vindictive punitive measures, underwent certain changes. The authors underline that the majority of eighteenth-century political writers strongly doubted the feasibility of repentance and relied on English criminal practice to prove the improbability of criminal offenders' rehabilitation. However, the impassioned debate on the subject, which lasted for almost a century, was resolved by accepting the possibility of offenders' repentance and reformation, which would be feasible provided that a correctional system aimed at reforming criminals into functioning members of society was created.

Keywords: Great Britain, criminal justice system, crime, religion, repentance, penance, penitentiary reforms

Irina Erlihson, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History and International Relations, Ryazan State University by S.A. Yesenin; i.erlihson@rsu.edu.ru

Svetlana Vassilyeva, Ph. D. in History, Assistant Professor, Department of Philosophy and History, Academy of the Federal Penitentiary Service; vasi-svetlana@yandex.ru